

Куклытура - 2004-2005 - 14

Тонино – поэт, футболист, музыкант

Портрет в итальянском интерьере

Тонино Гуэрру не надо специально представлять нашему читателю. Знаменитый итальянский художник, сценарист, восемь раз отмеченный “Золотой ветвью” Каннского кинофестиваля, обладатель двух “Оскаров”, писатель, поэт, драматург. Имя Гуэрры неотделимо от творчества Феллини, Антониони, он работал и с Тарковским, и с Де Сикой, и с Ангелопулосом. Итальянец до мозга костей, человек корневой, впитавший в себя солнце, темперамент, особый дух Апеннин, Тонино Гуэрра интересен в любой точке земного шара, а любая точка интересна ему. Однажды работа над мультипликационным фильмом “Король с седой бородой” А.Хржановского свела с ним замечательного российского театрального художника Сергея Бархина. Завязалась крепкая личная дружба. Сергей Бархин, любящий создавать не только пространства спектаклей, но и литературные образы, передал нам эти записки.

Тонино Гуэрра – футболист, не только поэт. На стене висит фотография. Двадцать молодых футболистов. Я сразу узнал Тонино. Он – совсем молодой. Красавец с усами.

Тонино играл в футбол до войны. Лишь потом он был в плену и копал траншеи близ Кельна. Тогда американцы уже наступали во Францию.

Тонино – музыкант. И сейчас Тонино часто поет песни венгерских евреек из соседнего лагеря для пленных.

Даже когда Тонино просто говорит, он поет. Таков итальянский язык. Но когда он поет...

В Германии уже после плена Тонино был главным джазист в освобожденном лагере. Тогда любили все американское, но особенно джаз. А все венгерки любили Тонино. И все они были его возлюбленными. Кроме одной. Самой красивой. Остальные девушки всегда ревниво спрашивали его: “Что, она тебе не нравится?” “Она ему очень нравилась, но, не собираясь их огорчать, он отвечал: “Нет, просто она не в моем вкусе”.

Тонино играет на саксофоне, поет. Американцы, девушки и бывшие пленные танцуют. Медленно к Тонино подходит та самая красивая и приглашает Тонино на танго. Он оставляет свой оркестр и, обняв ее, танцует, отпустив голову. Грустно она спрашивает его: “Правда, что я тебе не нравлюсь?” – “Нет, – тихо говорит Тонино, – просто ты не в моем вкусе”. Танцы продолжают. В конце вечера красавица снова подходит к Тонино и спрашивает, не проводит ли он ее домой? “Пожалуйста!” – говорит он. Рассказывая, Тонино недоуменно разводит руками. И парочка удаляется к баракам. Идут они по аллею, мимо аккуратных немецких домиков. Совсем темно.

Комнатка, где живет венгерка, – совсем маленькая. Только кровать и чуть пола. Небо светлеет. Девушка садится на кровать, Тонино – на пол. Красавица мгновенно раздевается. Тонино сидит на полу. Начинается рассвет. “Значит, правда, и я тебе не нравлюсь?” – совсем грустно спрашивает обнаженная красавица. “Нет, что ты, просто ты не в моем вкусе”, – шепотом говорит мой друг эту заученную фразу.

Уже раннее утро. Тонино уходит к себе. Он плетется к своему бараку опять по аллее, мимо немецких домиков. В бараке друг спрашивает его: “Ну как?” Тонино все рассказывает. “Дурак! Какой же ты дурак! Сейчас же беги обратно и скажи, что это неправда!”

Тонино бегит сломя голову обратно, мимо тех же домиков. Он бегит и кусает деревья. Он собирает все цветы с палисадников у тех домиков. С огромным букетом Тонино подбегает к дому красавицы. Утро. Возле дома уже стоит она, ослепительно одетая и рядом два американских лейтенанта. Неподдалеку – новенький “виллис”. Они собираются в ресторан завтракать, с удивлением смотрят на Тонино, а он подносит девушке букет и произносит: “ЭТО НЕПРАВДА!”

Позже совсем другие американцы все-таки опять посадили Тонино уже

в свой концлагерь. Он был слишком популярен.

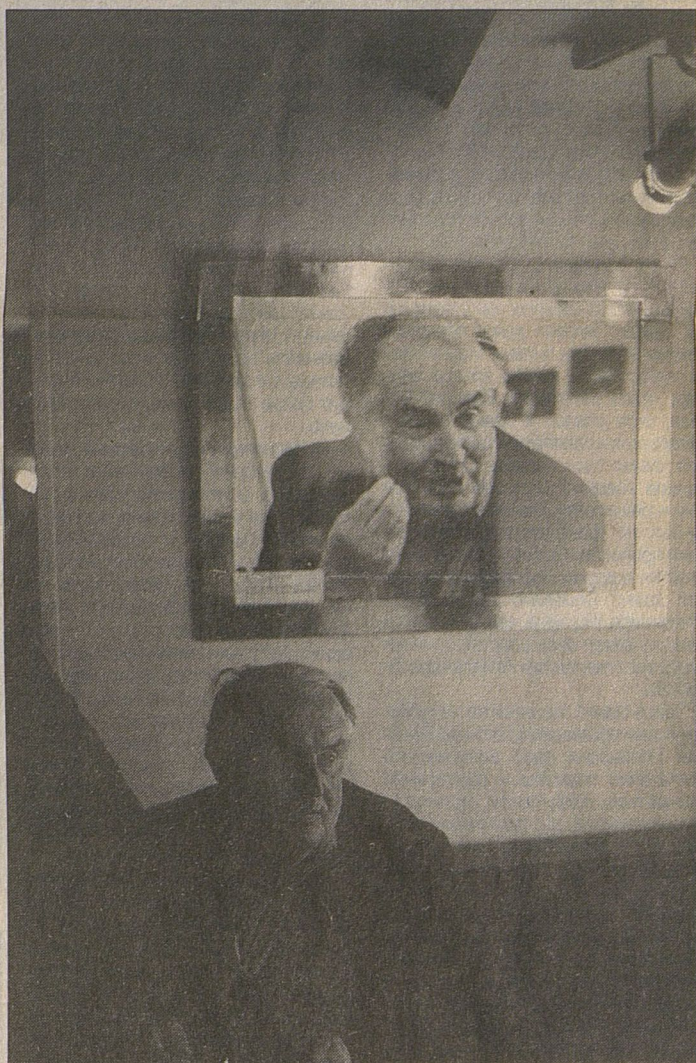
Поэт Тонино песню, рассказывает про свою военную любовь, Лора переводит все нам, а пес Баба держится губами за ее юбку. Лора и Тонино любят животных больше славы. Кругом штук пятьдесят кошек разного возраста и вида, сидят, внимательно слушают. Тонино рассказывает так, что не только Феллини все видит, но и у всех нас картины стоят перед глазами. Музыка его итальянской речи льется еще прекрасней, и кажется, что и перевод необязателен. Чтобы не мучить Лору, мы часто просто сидим и слушаем эту итальянскую мелодию.

На дни рождения Тонино всегда приезжает Антониони и сидит на самом почетном месте. Он – всегда в светло-розовом свитере. Загорелое утонченное лицо римского аристократа с плоским орлиным носом и остановившиеся глаза. Маэстро не говорит, а лишь плавным движением руки может распорядиться убрать мешающие деревья или толпу папарацци. Тонино наоборот – очень подвижный. Скорее вместе с Чаплином они составили бы отличную пару. Тонино всегда в розовой рубашке и в шерстяной кофте мельчайшего орнамента. Лицо его не тронуто загаром, и темные глаза сверкают. Тонино любит уютно сидеть в большом кресле и рассказывать.

Он рассказывает о своей матери, маленькой деревенской женщине в пышных черных юбках, и о том, как она приехала к нему в Рим, чтобы поклониться собору Святого Петра и увидеть, как живет уже взрослый Тонино. Тогда она привезла редкие семена белладонны, чтобы Тонино мог подарить их кому-нибудь, кто помогает ему делать карьеру. Тонино рассказывает о высоченном, с черными усами отце в жилете и широкополой шляпе с сигарой. О том, как они вместе в тридцатые смотрели кино о жаркой Африке и кладбищах слонов, в то время как кинотеатр завалило снегом и зрители не могли выйти на улицу. О том, как они со своим другом Джорджо Моранди хоронили старые, истершиеся кисточки в клумбе под окном его мастерской. Рядом с Тонино каждый становится поэтом. Я имею в виду нас, не Моранди.

Их дом, состоящий из множества прилепившихся друг к другу помещений, стоит на одной из дух вершин горы, вокруг которой расположился городок Пеннабилли. На другой вершине – монастырь. Там, где домики Тонино, когда-то давно стоял замок герцога Малатесты. Потом эти герцоги перебрались в Сант-Арканджело и Римини. И теперь Тонино – Малатеста, очень добрый герцог. Вокруг чаща других гор и холмов, на которых вся Италия, как на фреске Амброджо Лоренцетти. По словам Лоры, где-то внизу – знаменитый Рубикон.

В доме и в саду и вокруг множество простых и интересных вещей. Огромные клетки без птиц, но полные цветных филимоновских и вятских игрушек, – Тонино с волнением относится к России. Сад позабытых ита-

Т. Гуэрра

льянками деревьев – Тонино боготворит природу. Рядом домик, как маленькая часовня, посвященный А. Тарковскому – Тонино восторгается Тарковским. Сад каменных символов для медитаций – Тонино любит Восток. Картины и пастели Де Кирико, Антониони, Рустама и самого Тонино, цветные рельефы и просто старые черепицы: Тонино – человек искусства. Ковры, сюзане, восточные ткани, как у любителя-ориенталиста. Множество книг и неразобранных рукописей. Глаза разбегаются.

Тонино – мой друг, и я – друг Тонино. “Я люблю тебя больше всех!” – говорит Тонино на русском языке. “Да, да, – вторит Лора, – он любит тебя больше всех!.. Ну, может быть, после Феллини...” Я в растерянности.

Какие у Тонино друзья! Сосед Джанни – антиквар и фантазер. Они вместе с Тонино засыпали лепестками роз весь путь приехавшего в Пеннабилли Далай-ламы, и Джанни преподнес ему старинный ключ от родного города. Джанни заботливо навещает Тонино каждый день, часто и утром, и вечером. Тонино любим многими в Романье.

Тонино – поэт, но и гурман. Будучи в плену в компании голодных итальянцев, один раз он даже “накормил” всех, сыграв пантомиму приготовления тальятелли – домашней лапши. Он очень любит итальянскую еду и сердится и расстраивается, что мы, русские, недостаточно подхваливаем спагетти, равиоли, тарталини, лазанью... “Это феноменально!” – восклицает он. – Всей Европе нравится, а этим – нет! Да у нас их восемьсот видов и сортов!” – возмущается. Я поправляю: “Раньше ты говорил – триста”. “Спасибо, – мельком благодарит меня, не оценившего его гиперболу. – Да еще называют макаронниками!” – бормочет всерьез сам себя рассердивший, Тонино. Я пытаюсь успокоить его, как могу. Говорю, что ведь и у нас тоже все это пришло из Китая, и без Марко Поло, что и у нас есть всякие беляши, чебуреки, манты. Или вот в

твоей любимой Грузии – хинкали, увещаю его я без малейшего юмора. Да и обыжают всех других тоже по еде – лягушатники, колбасники... Слушал мою ахинею Тонино, слушал и вдруг, совсем обидевшись, сказал: “Ювно – хинкали”. Все это на понятном мне русском языке.

Тонино – главный заводила в Пеннабилли, а возможно, и во всей Романье. Все дома в городе украшены большими и маленькими разрисованными солнечными часами. В одной уже заброшенной церкви целый музей-птичник, где стоят сотни чучел. Идеи его и фантазии с энтузиазмом воплощают его многочисленные итальянские друзья. Его фонтаны опишет кто-то другой. Ресторан в Римини “La Sanguisera”, придуманный Тонино в старинных кирпичных сводчатых подвалах. В нем всегда все его гости, а готовишься встретить Сарагину. Одну такую фарфоровую с рисунка самого Феллини подарил мне сам Тонино.

Тонино – замечательный великий поэт. Тонино всегда поэт. А стихи он пишет на родном романьольском наречии, как Пазолини – на родном фриульском. Поэзией наполнены и его сценарии. Но однажды в Петербурге, уже сидя в машине без переводчика, он советовал одной журналистке, назвавшейся сценаристкой, на своем русском языке: “Не надо быть только сценаристом, тогда ты будешь писать им (режиссерам) сценарии так, как они хотят, что им надо, а надо быть поэтом и чтобы они просили, упрасивали!”

Тонино любит всех своих режиссеров. Но в последнее время он часто говорит одну фразу: “Феллини, Антониони, осторожно! – Ангелопулос!!!”

Вспоминается и другая – Венеция, Флоренция, осторожно! – Кижии!!!

Тонино – самый мой большой и любимый друг. Когда мне тяжело и когда мне хорошо, я всегда думаю о Тонино. О Лоре и Тонино.

Сергей БАРХИН